

Сплошные неприятности.

Котенок, не зная усталости, внимал доносящемуся из гроба шепоту, который могли разобрать лишь демонические существа. Он вытянул свои округлые передние лапки, сладко потянулся и грациозно прыгнул с раскачивающегося гроба на землю.

Ступая короткими лапками с изяществом аристократа, поводя хвостом, он устремил прищуренный взгляд на Янь Цинли и направился к спящей девушке.

К счастью, источник всех бед был пойман и заточен здесь, а значит, эти докучливые пленники наконец-то прикусят языки. Больше не придется слушать со всех сторон этот демонический гул: Какая вкусная, Хочу ее съесть — от которого у него всю ночь не было покоя.

Котенок примостился на груди у Янь Цинли и приложил пушистую лапку к ее лбу. Белое сияние духовной энергии, окутывавшее женщину, тут же наткнулось на барьер, воздвигнутый его лапой, и в карете воцарилась тишина — гробы один за другим умолкли.

Он уже собрался убрать лапу, как вдруг его темно-фиолетовые звериные глаза сузились. Та самая белая духовная энергия, просочившись сквозь барьер, полностью впиталась в подушечки его лап. Питательная сила потекла по меридианам, вызвав легкую дрожь даже в его главном божественном ядре, что находилось далеко на горе Лао.

Какая чистая и питательная энергия истинной сущности. Неужели эта женщина и есть та легендарная обладательница тела с духовным корнем лекарства, что рождается раз в сто лет?

Он склонил голову набок и, сверкая яркими фиолетовыми глазами, задумчиво разглядывал Янь Цинли. Ее красивое лицо, оказавшееся совсем рядом, было искажено кошмаром: брови плотно сдвинуты, а на бледном лбу то и дело проступали капли пота.

Неужели эта женщина — не какой-нибудь дух-оборотень? И при этом такая свежая и прекрасная, с лицом, подобным цвету персика. Среди большинства невзрачных людей она определенно выделялась.

Котенок, устроившись в объятиях Янь Цинли, млел от подпитки истинной энергией. Его клонило в сон, а жар ее крови, пробивавшийся сквозь кожу, приятно согревал мягкую шерстку.

Такая высокая температура — должно быть, ей снится кошмар.

Он зевнул, сонно прищурился и хлопнул пушистой лапкой по лбу девушки. Мягкие подушечки нежно прошли по коже, и капли пота мгновенно испарились, исчезнув без следа.

Янь Цинли проснулась в холодном поту, тяжело дыша. Меч, лежавший рядом, она отшвырнула в сторону — он с громким стуком ударился о стенку кареты и с лязгом упал на пол.

Она села, обхватив себя руками, с бьющимся сердцем. Во сне она снова видела прошлую жизнь: мастер Цзюян обманом заманил ее в Массив Запечатывания Духа, и на глазах у собственного главы ордена у нее в Бу Юньлоу живьем вырвали сердце.

В душе Янь Цинли поселилась тревога. Сны часто бывают пророческими. Она — редчайший носитель лекарственного духовного корня, и если глава ордена не найдет другого способа

вылечить свою дочь, он непременно снова придет за ней.

Котенок, которого внезапно выбросило из объятий, недовольно пискнул, перекатился по полу и запрыгнул обратно на крышку гроба.

Он слегка наклонил голову, прислушиваясь, и понюхал воздух сквозь толстые цепи. Убедившись, что демоническая аура внутри гроба никуда не делась, он расслабленно уселся на крышке, довольно помахивая хвостом.

Сяомин, дремавшая рядом с гробом, тоже проснулась. Она потерла глаза, поднялась с пола, и лучи света, пробивавшиеся сквозь щели в занавесках, осветили ее лицо.

Протерев покрасневшие от ночных слез глаза, Сяомин отдернула занавеску, взглянула наружу и, побледнев, повернулась к Янь Цинли:

— Старшая сестра, люди из карет уже выходят. Мы прибыли к границе горы Лао.

Янь Цинли слабо улыбнулась, подняла меч и ответила:

— Раз мы в горах, не называй меня больше старшей сестрой. Я больше не принадлежу к секте, зови меня просто по имени.

Сяомин замерла, глядя на улыбку Янь Цинли, ее щеки неестественно покраснели, и она застенчиво втянула голову в плечи:

— Ты выглядишь младше меня, тогда я буду звать тебя сестренкой Цинли.

Янь Цинли невольно рассмеялась и коснулась ее нежной щеки. Сама она перешла на Стадию Слияния в пятнадцать лет, поэтому ее внешность навсегда застыла в облике юной девушки. Неудивительно, что Сяомин приняла ее за младшую, хотя на самом деле ей было уже не меньше сорока пяти. Назвать Сяомин сестрой у нее язык не повернулся.

— Сяомин, сколько тебе лет?

Сяомин не сразу поняла вопрос, но, осознав, ответила:

— Я пришла в орден пять лет назад, когда мне только исполнилось пятнадцать. Сейчас, наверное, около двадцати.

Янь Цинли, привыкшая видеть таких, как Сяомин — двадцатилетних учеников, застрявших на Стадии Просветления и медленно стареющих, — ничуть не удивилась.

— По моим меркам я уже в годах, — сказала она. — В мире совершенствующихся нет понятий возраста. Если мы не принадлежим к разным поколениям, лучше просто называть друг друга по именам.

Сяомин, будучи лишь внешней ученицей, отвечавшей за уборку горных троп, никогда не смела проявлять неуважение к внутренним ученикам. Поначалу обращаться к Янь Цинли по имени казалось ей странным, но, видя мягкий и добрый нрав собеседницы, она отбросила сомнения.

Гора Лао давно перестала быть горой. Сто лет назад здесь подчистую выработали все духовные рудники и магические камни, превратив ее в равнину. Теперь это лишь огромное, величественное сооружение из сотни каменных ярусов, возвышающееся посреди пустыни. Вершина его терялась в облаках, отделяя это место от всего остального мира.

Янь Цинли шла в колонне людей, наблюдая, как бумажные человечки с желтыми талисманами один за другим выгружают гробы.

С помощью истинной энергии она поняла, что медные монеты, подвешенные к каретам, имели значение: от одного до девяти. Чем выше число, тем сильнее и опаснее демон внутри. Судя по всему, в карете, где ехали она и Сяомин, находилось самое злобное и свирепое существо, раз на ней висело девять монет.

У подножия горы Лао два уродливых существа с головами баранов раздавали идентификационные жетоны рабов. Вдруг среди очереди опустилась огромная пестрая птица, распугав людей и заставив их в страхе расступиться, освободив пустое пространство.

Птица пронзительно закричала, и вдруг из ее горла раздался человеческий голос:

— Кто здесь Янь Цинли? У меня Указ об освобождении из горы Лао, велено передать лично в руки.

В толпе, ожидавшей у каменного храма, Сяомин дернула Янь Цинли за рукав и с оттенком зависти и грусти прошептала:

— Тебя ищут, да еще и с Указом об освобождении. Цинли, значит, тебя действительно по ошибке сослали на гору Лао. Теперь ты свободна, поздравляю.

— Не факт, — ответила Янь Цинли. — Не думаю, что мой уход обернется чем-то хорошим.

Она посмотрела вдаль, на Янь Чисюэ, стоявшую за барьером, и Бу Юньлоу, следовавшего за ней. Глаза Янь Цинли сузились, в их глубине затаилась буря.

Сяомин не поняла ее слов:

— Почему ты так говоришь?

Янь Цинли похлопала Сяомин по плечу, улыбнулась, крепче сжала рукоять меча и сказала:

— Займи мне место. Я схожу, покончу с кое-какими делами и сразу вернусь.

Котенок, прыгавший по плечам бумажных человечков, лениво вылизывал лапку, греясь на солнце. Заметив, что Янь Цинли уходит вслед за крикливой пестрой птицей, он наострил уши.

В его фиолетовых глазах промелькнул холодный блеск. Он легко спрыгнул на землю, в несколько прыжков догнал Янь Цинли и запрыгнул ей на плечо.